

Цифровизация: юридические концепции и конструкции, нарративы и термины и их особенности (отдельные заметки в общетеоретическом и международно-правовом аспектах)¹

Аннотация. Статья касается как актуальных, так и не всегда явно видимых правовых проблем, обусловленных современными процессами, которые происходят в материальном мире и при его познании вследствие так называемой четвертой промышленной революции, а также пятого и шестого «технологических укладов» (заключаемых по большей мере в рамки технических/технологических преобразований в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, науке и обществе в целом, и их последствий — цифровизации, роботизации, искусственного интеллекта, платформ и «платформенного права», цифровых технологий, «сетевого права» / киберправа, «электронной личности» и др.). В ходе исследования авторский взгляд фокусируется на порой противоположно заряженных, с разнонаправленной силой воздействия, различных импульсах и гранях, присутствующих в самом содержании либо в следствиях рассматриваемых явлений, в том числе в широком и стремительном распространении понятий и концепций «ускорения изменений материального мира», «законов разрушения» и их влияния на право.

Ключевые слова: цифровизация, роботизация, искусственный интеллект, платформа, «платформенное право», цифровые технологии, «закон разрушения», «сетевое право», киберправо, «электронная личность».

Людмила Петровна АНУФРИЕВА,

профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
lpnufrieva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.112.12.153-164

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006). Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1»

Liudmila P. ANUFRIEVA,

Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), r. Sci. (Law), Professor
lpanufrieva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Digitalization: Legal Concepts and Constructions, Narratives and Terms and their Features (certain remarks as per General Legal Theory and International Law aspects)

Abstract. *The article deals with both topical and not always clearly visible legal problems caused by modern processes that occur in the material world and its comprehension, as a result of the so-called “IV Industrial Revolution” and the fifth and sixth “technological orders” (which are mostly enclosed within the framework of technical/technological transformations in the economy, industry, agriculture, science and society in whole, and their outcome — digitalization, robotization, “artificial intelligence”, platforms and “platform law”, digital technologies, “network law” / cyber law, “electronic identity”, etc.). In the course of the research, the author’s gaze focuses on sometimes oppositely charged, with a multidirectional force of effect and various facets available in the very essence or the consequences of the phenomena under consideration, including the wide and rapid proliferation of the concepts and the theories of “accelerated speed of changes in the material world”, “the laws of disruption” and the impact thereof on the law.*

Keywords: *digitalization, robotization, “artificial intelligence”, platform, “law of the platform”, digital technologies, “laws of disruption”, “Web law”, “Ciber-law”, “electronic personhood”.*

The web is the ultimate matchmaker, capitalizer, and economizer.

New digital technologies are turning everything into an available resource: services, products, spaces, connections, and knowledge, all of which would otherwise be collecting dust.

O. Lobel. Law of the Platform.

Интернет является идеальной «свахой» в поиске партнеров, инвесторов, извлечения прибыли и экономии. Новые цифровые технологии все превращают в доступный ресурс: услуги, продукты и товары, пространства, связи, коммуникации и знания, что иначе лежало бы, собирая пыль.

О. Лоубел. Право платформ.

Актуальность постановки вопроса

Современная юридическая литература изобилует отрицаниями, противоречиями, парадоксальностью подходов и неоднозначностью выводов, когда дело касается

новой «материи» (далеко не всегда являющейся таковой в буквальном смысле слова!), связанной с глубоким внедрением в практику и жизнь как государств и обществ, так и простых людей новейших открытий последнего времени, и прежде всего информационно-технологического характера. Масштабы их колоссального воздействия сказываются на принципиальных изменениях в науке, технике, технологических приемах, циркуляции информации, цифровых средствах связи и коммуникациях, охватывающих экономику в целом, производство, обращение, торговлю, транспорт, социальные сферы (культуру, образование, здравоохранение и т.д.), обуславливая в конечном итоге освоение практически всем населением Земли понятий «цифровизация/диджитализация», «роботизация», «искусственный интеллект», «нейросети» и т.п. Однако нет исчерпывающе точных и единообразных ответов на вопрос о характере воздействия и связей между перечисленными нововведениями и правом, включая и международное право / международное частное право, а действительность каждый день дает новую пищу для размышлений.

Инновации и понятийный аппарат юридической/международно-правовой науки (терминологический срез)

Влияют ли «цифровизация», «компьютеризация», «роботизация» — «инновации» вообще — на международное право и изучающую его науку? Сочетаемы и совместимы ли они? Эти вопросы кажутся явно риторическими в мире, где прочно утвердились тенденции к интернационализации, глобализации, интеграции, взаимозависимости государств (да и иных субъектов международного права), экономик и социумов, процессов развития материальных основ жизни общества и множества прочих разнообразных явлений, возникающих в отдельных сферах современной деятельности человека и человечества.

Надо признать, что не всегда предметы научного рассмотрения в правоведении из разряда «откликов на вызовы времени» представляют собой фундаментальную с теоретической точки зрения разработку безупречно выстроенных совокупностей «внутренне сочетаемых» и «органично соединимых» понятий.

С одной стороны, кажется типичным и вполне устоявшимся следующий ряд ключевых обозначений, встречающихся сегодня в жизни и юридических публикациях: инновации, трансформация, компьютеризация, информатизация, цифровизация, искусственный интеллект, легалтех, платформы / интернет-платформы / сетевые платформы и платформенное право² (следуя логике современной «новаторской» мысли, можно предположить, что на очереди выдвижение предложений и обоснование «нейросетевого права» (!)), сетевые модели, блокчейн, смарт-контракты, B2C-, B2B- и B2G-контракты (либо иные разновидности договорных форм) и т.д.³

² *Lobel O.* The Law of the Platform // *Minnesota Law Review.* 2016. Vol. 101. P. 88—89.

³ См.: *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica.* 2019. № 2. С. 107—120.

С другой же стороны, обществом, а порой и научной средой, не всегда осознается оторванность экономической и юридической форм, в которые облакаются конкретные действия участников отношений, от первичной технической (технологической, конструкционной, инженерной и т.п.) сущности предложенного новшества, а она состоит не в чем ином, как в создании *инновационной бизнес-модели*.

Инновации, отраслеобразование и систематика в праве

Что из вышеперечисленного строго и адекватно определено как техническими/точными науками, так и правовой наукой? Например, фундаментальная информатика не располагает единой дефиницией с точными параметрами такого предмета, как «платформа» (сетевая платформа), о чем свидетельствует сравнение спектра позиций специалистов с гаммой имеющихся в них различий⁴, но убежденность ряда юристов в настоятельности «выведения» «платформенного права», очевидно, имеет место. По мнению некоторых из них, платформа выступает «как группа технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия»⁵.

Спрашивается: возможно ли без опоры на должное уяснение узкими специалистами базового предмета ставить вопрос о будто бы *сложившемся* в праве

⁴ Приведем варианты понимания, иллюстрирующие упомянутые несовпадения в трактовке рассматриваемого предмета, которые при этом отражают в более или менее общем виде главные его характеристики, несмотря на присутствие индивидуальных черт практического предназначения в каждом отдельном случае: «интернет-платформа — это инструмент для создания и поддержки работоспособности сайта. <...> Это комплекс программных компонентов, упрощающих разработку веб-ресурса за счет использования готовых компонентов, а также обеспечивающих его стабильную функциональность. Существует несколько видов веб-платформ, предназначенных для реализации сайтов различного содержания и назначения» (URL: <https://blog.skillfactory.ru/glossary/internet-platforma/> (дата обращения: 10.12.2023)); «платформа — функциональный блок, интерфейс и сервис которого определяется стандартом, вводимым международной организацией либо группой фирм. Характеристики платформы подбираются таким образом, чтобы ее можно было использовать в большом круге задач» (URL: <https://www.finam.ru/publications/item/platforma-20230628-2051/> (дата обращения: 10.12.2023)). Представляется, что для юристов важно исходить как раз из выявленной общности взглядов узких специалистов на сущность анализируемого предмета, а не из произвольного выбора какой-либо конкретной позиции из предлагаемого ряда.

⁵ См.: Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17—18. См. также: Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86 ; Основы платформенного и экосистемного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, Н. А. Пожилова [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Рускайнс, 2022. 112 с.

нормативном обособлении в качестве системного образования норм, регулирующих соответствующие общественные отношения,— о «платформенном праве» (если его все еще стоит так именовать). И даже если бы каждая из приведенных версий была единственной в мире дефиницией платформы, могла бы она составить основу для формулирования объекта регулирования в гипотетическом «платформенном праве»?

В свете этого нелишне подчеркнуть: в иностранной, как и в отечественной, литературе в ряде моментов ощущается немалый скепсис (отчасти сомнение, а подчас и сарказм) по поводу выдвигаемых положений подобного рода⁶. В этом плане весьма адекватной происходящему в систематике права, вызванному новейшими изменениями в материальном мире, выглядит реакция Дж. Соммера, который, констатируя, что «очень немногие правовые системы определяются характерными для них технологиями», иронично продолжает: «Деликтное право — это не “автомобильное” право», хотя автомобильная авария является случаем деликта, детерминирующим его парадигму. Городское обустройство лифтами также не является «лифтовым правом». Современные информационные технологии не являются исключением.

На этот аргумент не влияет предполагаемое трансформирующее социальное воздействие Интернета. Возможно, Интернет или другие новейшие информационные технологии преобразят общество, но то же самое сделал автомобиль. Паровая машина и промышленная революция, вероятно, изменили американское право, но «права паровой машины» никогда не существовало. Почему иное должно случиться с «правом Интернета»?⁷

Дальнейшие суждения автора, лишённые эмоциональной окраски, представляют собой развернутые логически последовательные соображения о множестве нитей в соотношении, влиянии и взаимодействии права и технологий, точнее, о диалектике и «механике» их связей: «Связи между правом и технологиями почти всегда опосредствуются социальной практикой... Следовательно, любые связи между правом и технологией не являются прямыми... Чрезмерная технологическая направленность может привести, по крайней мере, к плохим таксономии и юридическому анализу»⁸.

Стоит прислушаться к выкладкам Дж. Соммера, касающимся адаптации права к процессам технологических нововведений, особенно с учетом наличия

⁶ Lobel O. Op. cit.

Подробнее о целом спектре всевозможных обозначений новых «концептов» и «конструктов» применительно к правовым явлениям современности (отраслям, институтам, комплексам и т.п. в связи с информационными технологиями и их порождениями в виде киберправа, интернет-права, цифрового права и т.д.) в мировой литературе см.: Мажорина М. В. Указ. соч. С. 107—120.

⁷ Sommer J. H. Against Ciber law // Berkeley Technology Law Journal. 2000. Vol. 15. P. 1147. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев как раз «иной исход» дела в ситуации с Интернетом никак не смущает отдельных авторов (см.: Savin A. EU Internet Law. Edward Elgar Publishing, 2013).

⁸ Sommer J. H. Op. cit. P. 1148.

энтузиастов незамедлительного создания какого-нибудь нормативного образования в праве и иногда чрезмерно поспешных шагов с «забеганием вперед»⁹.

«Неожиданные» проблемы

В связи с изложенным уместным выглядит напоминание о докладе ЮНКТАД 2018 г. «Технологии и инновации», содержащем констатацию резкого ускорения темпов разработки и внедрения новых технологий, которое наблюдалось в последние десятилетия и, по прогнозам ЮНКТАД, продолжится, а также предупреждение о том, что «новые технологии угрожают превзойти способность общества и политиков адаптироваться к изменениям, которые они создают, вызывая опасения, двойственное отношение или враждебность по отношению к отдельным технологическим достижениям»¹⁰.

Приведенное указывает на наличие еще одной острой проблемы, на которую в начале 2000-х гг. обратил внимание в своей нашумевшей публикации, столь же основательной, сколь и провокативной, английский ученый Ларри Даунс¹¹. Этот труд, озаглавленный «Законы разрушения: обуздание новых сил, которые управляют жизнью и бизнесом в эпоху цифровых технологий», олицетворяет критический подход к «эре инноваций» и обнажает суть наступающих рисков: «Закон разрушения представляет собой простой, но неизбежный принцип современной жизни: технологии меняются экспоненциально, но социальные, экономические и правовые системы изменяются постепенно»¹². В этом ракурсе фундаментальный анализ «законов разрушения» обусловил постановку важнейшего из вопросов — не только о скорости изменений материального мира, но о последствиях их влияния на общество, экономику и право¹³.

Что же касается отечественного правоведения, обращенного именно на исследование современных проблем теории государства и права в цифровую эру, то в позициях юристов можно обнаружить как отрицание, так и допущение адаптации (приспособления) различных базовых концептуальных положений к новым реалиям, связанным с современными процессами, в результате чего выдвигаются задачи по установлению сущности «новых категорий»: «трансформации права в

⁹ «Во-первых, — говорит автор, — новые технологии чаще облегчают существующие практики, чем порождают новые. Во-вторых, даже новые социальные практики часто хорошо обслуживаются традиционными правовыми механизмами» (*Sommer J. H.* Op. cit. P. 1148—1149).

¹⁰ Technology and Innovation Report 2018. UNCTAD, 2018. P. III.

¹¹ *Downes L.* The Laws of Disruption: Harnessing the New Forces that Govern Life and Business in the Digital Age. Basic Books, Hachette UK, 2009. 304p.

¹² См.: *Downes L.* Op. cit. P. 3.

¹³ В российском правоведении имеются серьезные работы, явившиеся откликами на возникающие в затронутой сфере науки вызовы, относящиеся к скорости изменений материального мира как научной и практической проблеме современного права. См. об этом: *Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А.* Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. 2021. № 6. С. 122—138.

цифровую эпоху», «трансформации регулирования», «цифровизации правотворчества», «цифровизации правоприменения», «правосубъектности искусственного интеллекта», «субъектоспособности/деликтоспособности несубъектных правовых феноменов» и др.

Доктрина и практика за рубежом, в свою очередь, открывают новые страницы в правовой теории: с учетом влияний диджитализации в англо-американском и европейском праве появилось понятие «электронной личности (цифрового лица)» (electronic personhood, a 'tertium genus')¹⁴. Термин «электронная личность» применяется к роботам, которые обладают способностью адаптировать свои поведение и действия к окружающей среде.

Импульсом к выработке термина послужило выявление очевидной потребности в том, чтобы помочь разобраться, кто несет юридическую ответственность, если робот причиняет вред человеку или уничтожает имущество. Особым стимулом стало широкое распространение в медицине всего мира роботов-манипуляторов «да Винчи»¹⁵, которые, как и некоторые другие автономные роботы, Европейским парламентом было предложено наделить статусом некой «третьей сущности» — чем-то средним между физическими и юридическими лицами¹⁶.

В этой связи нельзя не подчеркнуть: нет сомнений в том, что чем дальше будет развиваться и совершенствоваться роботизация, тем острее встанут не только правовые проблемы ответственности, но и многие другие, порожденные значимыми обстоятельствами, которые в целом пока еще не проявили всю меру своей сложности. Однако, думается, далеко не все они потребуют коренной пертурбации фундаментальных правовых знаний, накопленных к настоящему периоду.

Между тем за якобы закономерное воздействие на право крупных научных открытий и технологических переворотов выдается совершенно другое — под лозунгами цифровизации совершаются попытки «подправить» некоторые фундаментальные общетеоретические положения, касающиеся краеугольных категорий

¹⁴ В литературе фигурируют также и иные обозначения и определения понятия цифрового лица как «интеллектуального роботизированного агента, способного к самообучению и генерированию юридически значимых решений». См.: *Арямов А. А.* Регулирование цифровых правоотношений // *Российское правосудие*. 2022. Специальный выпуск : 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. С. 17.

¹⁵ По состоянию на 31.03.2019 по всему миру было установлено 5 114 роботов-хирургов «да Винчи»: 3 283 из них — в Соединенных Штатах, 893 — в Европе, 661 — в Азии и 277 — в остальном мире (URL: <https://ai-laws.org/2019/09/25/electronic-personhood-a-tertium-genus-for-smart-autonomous-surgical-Robots/> (дата обращения: 10.12.2023)).

¹⁶ Инициатива содержалась в проекте доклада по правовым вопросам от 31.05.2016 о нормах гражданского права, касающихся робототехники, Комитета Европейского парламента (Brant, Tom. "EU: Robot Workers Are 'Electronic Persons'." PCMAG. PCMAG.COM, 22 June 2016. Web. 12 Jan. 2017. URL: <https://www.pcmag.com/news/345515/eu-robot-workers-are-electronic-persons>. См. также: *Negri S. A.* Robotas Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence. Federal University of Juiz de Fora. Brazil. 2021 // URL: https://www.academia.edu/66213817/Robot_as_Legal_Person_Electronic_Personhood_in_Robotics_and_Artificial_Intelligence (дата обращения: 10.12.2023)).

юридической науки, в частности, таких как: «право», «норма», «правоотношение», «функции права» и др.¹⁷

Показательный пример — понятие «цифровое правоотношение». Вряд ли кто-то мог бы допустить, что содержащаяся в классической лаконичной формуле дефиниция родового понятия «правоотношение» — «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей»¹⁸ — может подвергнуться пересмотру.

Однако начнем хотя бы с того, что ныне в публикациях нередко устойчиво используется клише «регулирование правоотношений»¹⁹, хотя из приведенного выше определения, помещенного в заслуживающем доверия источнике, видно, что конкретное общественное отношение не нуждается одномоментно во вторичном воздействии норм права, а правоотношение, будучи уже производным (т.е. результатом) от оказанного на упомянутое общественное отношение действия норм права, не способно стать предметом регулирования.

В работе А. А. Арямова обозначены «пути решения проблемы правового регулятора цифрового правоотношения (курсив автора. — Л. А.)», «установлены методы правового регулирования цифровых правоотношений (курсив мой. — Л. А.)» и, наконец, констатируется, что «юридическая наука столкнулась с новой цифровой реальностью, в которой наработанный тысячелетиями правовой инструментарий и методология уже не эффективны. Очевидно, что господствующая парадигма правового регулирования нуждается в существенной ревизии»²⁰.

¹⁷ Общая библиография по исследованию с позиций права актуальных проблем инноваций обширна. См. например, некоторые из последних работ, выпущенных в свет по проблематике, относящейся к цифровизации и искусственному интеллекту: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018 ; Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019 ; Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021 ; Цифровизация правоприменения: поиск новых решений : монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2022 ; Российское правосудие. Специальный выпуск. К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. 2022.

¹⁸ См.: Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М. : Советская энциклопедия, 1984. С. 278.

¹⁹ См.: Арямов А. А. Регулирование цифровых правоотношений. С. 16.

С сожалением нужно констатировать, что подобная позиция (ошибка, заблуждение или обдуманый акт) встречается ныне в юридической литературе, вплоть до учебников по правовым дисциплинам, слишком часто.

²⁰ Арямов А. А. Указ. соч. С. 17—18.

«В пандан» этому встречаем сходный взгляд и у другого отечественного правоведа на процессы глобализации и научно-технологического развития, в частности на появление сетевых цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта и стремительную их конвергенцию, которые «стали разрушать традиционные представления о государстве и праве, об обществе, политике и экономике» (Умнова-Конюхова И. А. Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта // Право,

Надо думать, что в числе «не выдержавших» испытаний цифровизацией и прочими инструментами оказалась и такая категория «былого», как «правоотношение», раз ее надо «подправить» тем, что начать «регулировать». Данный «революционный натиск», конечно, вряд ли можно принять всерьез, однако и не реагировать невозможно. В частности, заслуживает поддержки наблюдение, сделанное в связи с анализом процессов сетевой цифровизации и внедрения искусственного интеллекта о необходимости их осмысления юристами, в том числе об односторонности категоричного вывода о том, «что процессы глобализации и научно-технологического развития, в частности появление сетевых цифровых технологий, разрушают традиционные представления о государстве и праве, об обществе, политике и экономике»²¹.

Пожалуй, еще более важным является замечание о роли методологии, как традиционной, так и «новеллистической», сообразной «инновационным» дискурсам: «Среди специальных методов приобретают значение математические, но для юридической науки и практики ценность представляет не само исчисление, а его понимание в плане развития гуманитарных ценностей»²².

В этом плане уместно опереться на высказываемые исследователями предложения о побуждении в кризисных и иных явлениях, объективно возникающих в современных условиях, «эффективно использовать ресурсы права»²³. Не оспаривая этого в целом, в то же время нельзя не отметить, что, безусловно, «ресурс» права может «вынести» далеко не все.

Напрашивается и еще одна ремарка: в ситуациях появления в жизни общества новых тенденций или явлений, затрагивающих в широком смысле производственные, социальные, культурные, научные и другие сферы, юридическая наука реагирует, как правило, весьма стремительно, с азартом педалируя самые актуальные моменты. Правда, в немалой степени это выражается в том, что под действие права подводятся все мыслимые и немыслимые объекты.

В результате появляется «экзотическая» постановка вопросов о «правосубъектности искусственного интеллекта», «правовой природе цифровых платформ», «правовом регулировании цифровых технологий», «цифровых правах» и др. Не имея намерения оперировать трюистическими рекомендациями, тем не менее скажем: в нетипичных обстоятельствах как нельзя более целесообразен умеренный подход, лишенный крайностей. В этом смысле заслуживают внимания

цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2021. С. 8). Здесь, помимо прочего, вызывает сомнения справедливость произвольного объединения глобализации с новейшими явлениями в развитии науки и техники в качестве причин якобы разрушения прежних представлений о праве, государстве и экономике.

²¹ Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5—19.

²² Лазарев В. В. Указ. соч.

²³ См.: Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования — «другое» право? // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 5—15.

научные выводы практиков, демонстрирующих искомую взвешенность, проверенную эмпирикой²⁴.

Как известно, право не способно регулировать физические, химические, биологические, математические или какие-либо иные явления, процессы, объекты, тенденции, закономерности и т.д.²⁵ Некоторые авторы, занимающиеся теоретическим исследованием новейших явлений, лежащих в сфере информационно-технологических изменений материального мира, справедливо указывают на то, что «процессы сетевой цифровизации и внедрения искусственного интеллекта нуждаются в особом осмыслении юристами».

При этом первостепенной в их публикациях выступает критика односторонности и категоричности вывода многих специалистов о том, что «процессы глобализации и научно-технологического развития, в частности появление сетевых цифровых технологий, разрушают традиционные представления о государстве и праве, об обществе, политике и экономике»²⁶.

Так, подчеркивая значение специальных методов познания, в том числе и математических, В. В. Лазарев выдвигает, пожалуй, центральное для правоведческих и мультидисциплинарных подходов к «инновационным сферам», и в первую очередь цифровизации, умозаключение: «Для юридической науки и практики ценность представляет не само исчисление, а его понимание в плане развития гуманитарных ценностей»²⁷. Другой представитель правовой науки, обращаясь к моделированию правового регулирования отношений в области цифровых технологий, в свою очередь, указывает на требования системного взгляда «на все правовые инструменты, которые наилучшим образом помогут создать правовые условия, позволяющие доверять цифровым технологиям, с одной стороны, и быть защищенным в случае каких-либо сбоев или нарушений, с другой стороны»²⁸.

²⁴ См., к примеру: *Кресс В. В.* Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 67—76.

Авторская система постулатов представляется выверенной и внутренне сбалансированной: «Машиночитаемость не меняет социальной ценности и регулятивной функции права, не трансформирует сама по себе ни правовую систему, ни нормы права, а влияет лишь на способы его реализации, автоматизируя применение (соблюдение) и учет правовых норм, которые приобрели качество машиночитаемости» (там же. С. 67). В то же время появление «цифровых прав» в структуре действующего законодательства, несмотря на тот факт, что это тоже не создает ни новой юридической категории имущества, ни нового вещного права, а напротив — «формирует новую категорию прав, существование и содержание которых возможны исключительно в рамках правил информационной системы, наряду с автоматическим характером их существования и возникновения» (там же).

²⁵ Однако иногда заголовки научных статей в их буквальном прочтении говорят об обратном. См.: *Чеховская С. А.* Поиск модели правового регулирования цифровых технологий // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залогова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

²⁶ См.: *Лазарев В. В.* Указ. соч. С. 5.

²⁷ *Лазарев В. В.* Указ. соч.

²⁸ *Чеховская С. А.* Указ. соч.

Выводы и предложения

Подводя некоторый итог рассмотрению определенных темой направлений современного правоведения, важно подчеркнуть: на объекты правового регулирования, обусловленные достижениями научно-технологических революций и пришедшие из точных, технических или естественных наук, нельзя (либо не всегда возможно) *механически перенести* укоренившиеся в силу их востребованности научным либо практическим оборотом понятия и термины. В свою очередь, не стоит автоматически ни повторять, ни отрицать ставшие привычными в технических сферах имеющиеся алгоритмы, лекала, конструкции, словосочетания и т.п., что порою игнорирует не только правовая доктрина, но и законодатель.

В завершение подчеркнем, что высказанные в настоящем соображения ни в коей мере не претендуют на всеобъемлющее обобщение даже некоторых из важных моментов внутренних и внешних сторон действительности, вызванных к жизни современным подъемом в развитии науки, технологий, инноваций, преобразующих мир. Однако, думается, часть проблем, как тех, что наименее исследованы, так и тех, которые проявили себя довольно резонансными, в разной степени, но удалось отразить: будь то в постановочном плане, или в контексте решения, или хотя бы в пределах очерчивания контуров подходов к ним. Дальнейшее, а значит, *большее* — дело будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. — 2020. — № 4. — С. 17—18.
2. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 7.
3. Арямов А. А. Регулирование цифровых правоотношений // Российское правосудие. — 2022. — Специальный выпуск : 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. — С. 16—30.
4. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. — 2021. — № 6. — С. 122—138.
5. Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. — 2023. — № 2. — С. 5—19.
6. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. — 2019. — № 2. — С. 107—120.
7. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018.
8. Основы платформенного и экосистемного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, Н. А. Пожилова [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М. : Русайнс, 2022. — 112 с.
9. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. — М., 2021.

10. *Тихомиров Ю. А.* Новые векторы регулирования — «другое» право? // Журнал российского права. — 2016. — № 4. — С. 5—15.
11. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. — М., 2019.
12. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений : монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — М., 2022.
13. *Чеховская С. А.* Поиск модели правового регулирования цифровых технологий // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимova, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 472 с.
14. *Downes L.* The Laws of Disruption: Harnessing the New Forces that Govern Life and Business in the Digital Age. — Basic Books, Hachette UK, 2009. — 304 p.
15. *Lobel O.* The Law of the Platform // Minnesota Law Review. — 2016. — Vol. 101.
16. *Negri S. A.* Robotas Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence. — Federal University of Juiz de Fora. — Brazil, 2021.
17. *Savin A.* EU Internet Law. — Edward Elgar Publishing, 2013.
18. *Sommer J. H.* Against Ciber law // Berkeley Technology Law Journal. — 2000. — Vol. 15.